Ю.М. БАСКАКОВА

БОЛЬШИНСТВО И МЕНЬШИНСТВО: КАК СТРУКТУРНО ПРЕДСТАВИТЬ МАССОВЫЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

«…политика начинается там, где миллионы;
не там, где тысячи, а там, где миллионы,
там только начинается серьезная политика»
Ленин, 1969, с. 16–17

Какую роль играет массовый фактор?

Из глубины веков доходят до нас утопические мечты об идеальном обществе, где граждане без всякой подсказки выбранной или назначенной власти мирно живут сообразно своим вкусам и интересам, без лишений сопрягая труд с отдыхом. По мере развития цифровых технологий подобные идеи, основанные на всеобщем согласовании мнений, понемногу движутся в сторону их реализации, несмотря на все разнообразие интересов и запросов. Но до какой степени оправдано предположение о принципиальной конечности направлений развития? Возможно ли достижение консенсуса с минимумом принуждения и отвечающего нуждам и чаяниям всех? Попытки разобраться в этом вопросе, не отметая его сразу как анархо-социалистическую утопию, и оценить возможности естественной сегментации общества и согласования интересов всех его членов приводят нас к понятию масс.

Население должно участвовать в формировании и реализации власти – эта традиция, идущая как минимум от французских просветителей, в последние несколько десятилетий закрепилась и институционализировалась, несмотря на продолжающиеся дискуссии относительно предпочтительных форм политических режимов. Формы участия варьируют от прямой демократии (с выносом широкого спектра вопросов на референдум, как в Швейцарии, или коллективным написанием Конституции, как в Исландии) до плебисцитарных моделей [Фёдоров, 2010], жестко лимитирующих объем политического пространства вплоть до ликвидации политического процесса как такового [Patrushev, Pavlova, Filippova, 2013], где демократическим процедурам отведена роль ритуала, демонстрирующего опору на «большинство». Принято считать, что общий вектор политического развития направлен в сторону демократизации, предполагающей повышение участия масс, а сам процесс перехода от имитации демократии к ее развитым формам называют консолидацией демократии [Transitions from authoritarian rule, 1986].

Анализ форм участия в подобном процессе различных слоев населения может быть продуктивным с позиций метафоры «масса», когда рассматриваются не интересы искусственно выделенных групп (наподобие «среднего класса»), а интересы «среднего человека» или массы «средних людей» (как это было принято во времена Кетле, Фейербаха и Маркса). Метафора массы интуитивно индуцирует целый ряд физиологически и эмоционально насыщенных образов и атрибутов [Lakoff, Johnson, 1980]. В связи с этим нам представляется интересной попытка выделить существенные аспекты явлений, связанных с данной метафорой и практикой ее использования.

Через определение «массовый» сегодня описывается широкий спектр процессов: массовая культура, массовое потребление, массовое участие, – а понятие «массовая политика» возвращается в публичный дискурс.

Частое употребление понятий «масса» и «массовое» девальвирует смысл этих понятий, подобно тому как девальвировано понятие «социальный», и мешает продвинуться в возможности оценки интересов разных сегментов общества и достижении консенсуса. В итоге нередко формулировкой таких интересов занимается власть (легитимность которой при низком уровне участия в выбо-

рах становится условной), порой присваивающая себе мандат на далеко выходящие за пределы ее компетенции деяния.

Именно поэтому анализ понятия массы и ее атрибутов, позволяющий осуществить сегментацию интересов и нужд населения, представляется нам необходимым этапом для перехода к осуществлению массовой политики. Индуцируемый такой задачей переход от уровня индивида на обобщающий уровень предоставляет потенциальную возможность увидеть более общие черты происходящего. В настоящей статье сделана попытка структурно посмотреть на некоторые массовые процессы.

Масса – безликая толпа или множество личностей?

Человек в толпе опускается на ступень эволюции ниже
И.И. Мечников

Несмотря на широкое употребление определения «массовый», понятие массы не операционализировано до строгого набора атрибутов.

В социологии намечается переход к «массе» от понятий «массовое движение», применяемого в социологии коллективного поведения [Smelser, 1965], и «коллективная идентичность», распространенного в социальной психологии. В первом случае рассматриваются действия участников массовых движений, которые можно инструментально оценить, а во втором – образ мыслей или пассивная поддержка, которая может не иметь внешних проявлений и сложно измеряема. Известный из истории ВКПб конфликт Ленина и Мартова по вопросу членства в партии (участвовать или сочувствовать) иллюстрирует практическую значимость сходного различия для политологии[1].

Анализировавший подходы к описанию масс в европейской и в российской научной традиции Г. Чернов отмечает отсутствие в ее исследованиях системного подхода и терминологическую путаницу [Чернов, 2009].

[1] В наши дни в электоральных исследованиях сохраняется задача не просто оценки уровня поддержки партий, но и структурирования ее сторонников по степени приверженности.

Наиболее распространенным является подход, неявно отождествляющий массу с толпой[1], имеющей весь набор признаков, атрибутированных ей классиками социальной психологии: эмоциональность, иррациональность [Ле Бон, Канетти и др.]. В первой половине прошлого века они констатировали формирование нового типа социума и объяснили, как индустриализация и урбанизация изменили общественные процессы, что привело к формированию «массового человека» и возникновению авторитарных и тоталитарных режимов.

Суть подобного понимания массы ярко сформулировал Ортега-и-Гассет: «Толпа – понятие количественное и визуальное: множество. Переведем его, не искажая, на язык социологии. И получим “массу”. Общество всегда было подвижным единством меньшинства и массы. Меньшинство – совокупность лиц, выделенных особо; масса – не выделенных ничем. Масса – это средний человек. Таким образом, чисто количественное определение – “многие” – переходит в качественное… Сегодня весь мир становится массой» [Ортега-и-Гассет, 2002, с. 17–18]. Подобное определение массы вполне естественно для свидетелей разворачивания автократических режимов, которые занимаются социальной инженерией, направленной на выведение «человека-винтика», мало отличимого от его соседа в силу сходства их духовного мира и потому легко заменяемого.

В наши дни отечественные исследователи, в развитие представлений М. Фуко и Ж. Деррида [Фуко, 1996; Деррида, 2004], занимающиеся анализом деятельности власти по формированию дискурса, направленного на управление социальной и политической инициативой, вводят понятие массовизации. Массовизация определяется как возрастание программирующего воздействия различных политических технологий на деятельность политических институтов, участие масс в политических процессах, преимущественно через формирование их стандартов и стереотипов с укреплением определяющей роли эмоциональных компонент: «Массовизация политического участия сопровождается персони-

[1] Например, известный журналист В. Третьяков пишет о массовой политике как о «масскультовой» политике, в которой «максимальный популизм формы (включая избирательные процедуры) оторвался от максимальной закрытости принятия важнейших решений» [Третьяков, 2013].

фикацией политического процесса, эмоциональным отношением к знаковым политическим фигурам. Такое участие ситуативно, изменчиво, определяется сиюминутными требованиями...» [Коробков, 2001, с. 13].

Б. Дубин противопоставляет политическую массовизацию модернизации: «В России последнего десятилетия мы имеем дело с процессами массовизации социума без модернизации его базовых, модельных институтов. Массовые феномены, в основном связанные с потреблением… не завершают модернизацию ведущих институтов, а замещают ее… Апеллируя к “большинству”, “массе”, “всем как один”, претендующая на монополию власть осуществляет силовую блокировку социальных и культурных программ и образцов действия возможных конкурирующих кандидатов в элиту, которые… могли бы способствовать возникновению форм “общества”, в смысле – гражданского общества, конкурентного рынка, добровольной кооперации, полицентричной и динамичной культуры» [Дубин, 2006].

Явления, зафиксированные в подобных описаниях масс, противоречат как самой идее демократии участия, так и всем рассуждениям о возрастании массовых запросов на участие в политическом процессе, поскольку программирование масс исключает отрефлексированный политический выбор, основанный на реальном учете интересов населения. Вместе с тем роль масс в принятии решений меняется – она заметно усилилась по сравнению даже с прошлым веком: современность показывает нам множество примеров как прямого вторжения масс в политику, так и институционально-оформленных попыток. В связи с этим рассмотренная выше трактовка массы как толпы представляется для обществ с элементами демократии неполной и непродуктивной.

Это означает, что принципиально важно отличать массовое общество от общества, в котором меньшинства или альтернативные массы могут самоорганизовываться. Под массовым обществом понимается «общество без множества организованных социальных групп и групп интересов, в котором изолированы и выкорчеваны лица, не интегрированные в сообщество, и которое поэтому уязвимо к призывам экстремистских и антидемократических элит» [Foundations of comparative politics, 2010, p. 217]. Собственно, именно это отличие, характеризующее возможность бесконфликтного наличия среди масс групп, ориентированных на иные уста-

новки или принципы, является признаком, отличающим общество с процветающей ксенофобией и авторитаризмом от общества с развитой политической культурой.

Условная схема, отражающая наличие и коммуникацию масс, их элит, СМИ и взаимодействия их со структурами открытого демократического общества, изображена на рис 1. Мы предполагаем априорную возможность вхождения в несколько масс одновременно, а гипотетическую интенсивность коммуникации фиксируем через ширину соответствующих стрелок. Элиту мы здесь понимаем в том смысле, который задал ей А. Грамши, сведя ее от управляющих к идеологам.

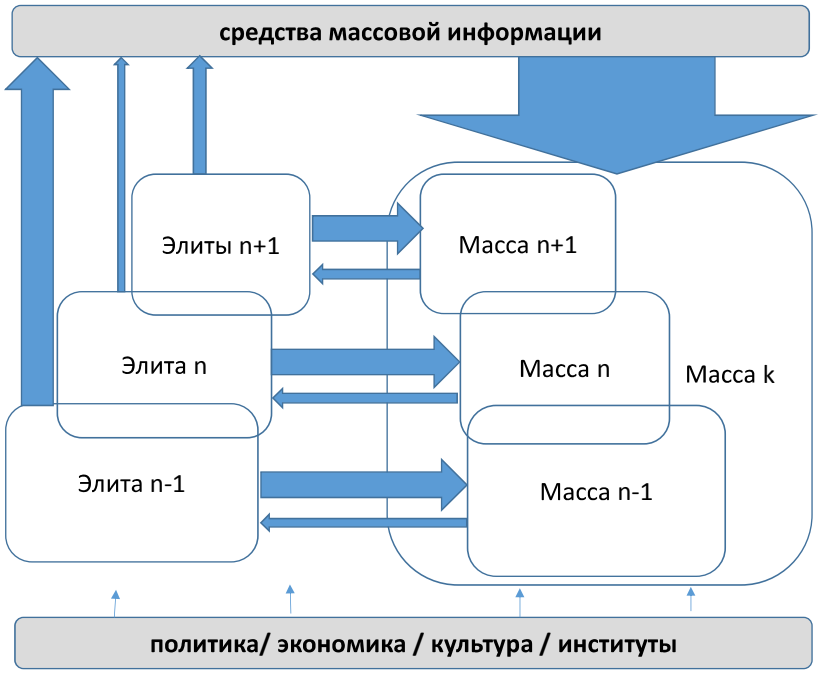

Рис. 1.
Условная схема взаимодействия масс, элит и структур открытого демократического общества

Взгляд на формирование масс как на набор встречных процессов, направленных на принудительную унификацию (массовизация) и консолидацию равноправных участников (солидаризация), дает возможность обсуждать различия организации масс, их видов, специфики их строения, функционирования, эволюции и коммуникации.

Охарактеризованный выше тип массы, сформированной с помощью политических технологий, назовем «запрограммированная масса». Для программируемой массы обычно характерно наличие жесткой иерархической структуры с авторитарным лидером, формирование образа собственной исключительности, чему способствуют указания на обилие внешних и внутренних врагов и предателей.

«Позитивную» (не одномерную) трактовку массы можно ввести через понятие «самоорганизованная масса», определив ее как общность людей, действующих на основе своих субъективно отрефлексированных интересов по рациональным и принятым консенсусом правилам. Саморганизованная масса – базовая социальная общность, которая может находиться в разных социальных состояниях[1].

В отличие от партий, формализованных групп интересов, объединений, массы обычно менее структурированы, изменчивы, а в силу отсутствия формальной привязки по членству или географии принципиально не могут быть локализованы. Вместе с тем массы не всегда и не вполне разрознены – уровень технологий позволяет формировать и поддерживать социальные связи без привязки к географической локации, солидаризироваться и формировать группы, а широкий доступ к информации дает возможность прямого включения в основные процессы. Развитие коммуникационных возможностей привело к совершенно особому виду масс: географически разрозненные индивиды могут представлять собой большую виртуальную массу, объединенную по некому значимому набору признаков.

---

[1] О возможности выделения «состояний общественного сознания» полемизировали Б.А. Грушин и А.К. Уледов [Грушин, 1967; Уледов, 1968, с. 267–268]: Б.А. Грушин предпочитал разговор о «формах» и «уровнях» общественного сознания, тогда как А.К. Уледов вводил интегральное понятие «состояния», опираясь на «установки» Д. Узнадзе [Узнадзе, 2001].

Свойства индивида в массе отражаются в последовательности стадий изучения, социализации, включения, ресоциализации и забывания [Blackwell handbook of social psychology, 2001]. Включение в массу приносит индивиду ряд выгод, однако вместе с этим придает ему набор эмерджентных свойств, производных от количества (ЛеБон, Тард, Гассет и др.), и меняет его поведение. В пионерских работах начала позапрошлого века описаны механизмы, которые начинают действовать в массе: «подражание», «заражение» и «приспособление» [Лебон, 1998; Тард, 1999], Находясь в массе, индивид становится «массовым», т.е. приобретает те усредненные черты, которые массе свойственны. Б.А. Грушин характеризует «массовость» как единый способ сознания и поведения [Грушин, 1984, с. 40]. Однако если масса формируется не в процессе программирования, а путем самоорганизации, усредненность может включать в себя большую вариацию.

Множественность масс предполагает наличие у массы особых свойств, конституирующих ее и отличающих ее от других масс. Сюда могут быть отнесены все социально-культурные характеристики, формирующие у индивида основания для коллективной идентичности.

Формирование массы обычно инициируется по некоторым типам признаков (этничность, религиозная принадлежность, достаток, география и условия проживания, бизнес, специфика деятельности, экономические и политические интересы и т.п.). Понятно, что возможно аналогичное формирование и по комплексу признаков.

Отдельно имеет смысл остановиться на типе дискурса в рамках массы. По существу, в упрощенном виде этот тип зависит от нескольких базовых параметров: тип выделяемых акторов, тип существующих объектов, тип связей и действий. Рациональный дискурс состоит в выстраивании модели мира, проверяемой и систематически корректируемой на соответствие реальности. Повышение уровня авторитарности и структурированности массы сопровождается сменой дискурса вплоть до полной смены акторов и языковых конструкций, описывающих мир [Фуко, 1996; Деррида, 2004]. Возможно, наиболее действенным способом препарирования и подачи информации (дискурсом без дискурса) является визуальный ряд, в котором как в комиксах расписаны и закреплены роли врага, жертвы и спасателя. Существенно более тонкий и последовательный

анализ проблематики можно найти в работах О.Ю. Малиновой [Малинова, 2013].

Следует отметить отличие охарактеризованных выше типов коллективной идентичности и их атрибутов как от политических партий (которые добавляют к указанным характеристикам свои типы интересов, организационные характеристики и правила функционирования), так и от типологии классов (по Марксу или Веберу) или от типизации электората.

Масса и элита в структуре общества

«– Разоблачение совершенно необходимо…
Зрительская масса требует объяснения.
– Зрительская масса, – перебил Семплеярова наглый гаер, –
как будто ничего не заявляла?»
М.А. Булгаков, Мастер и Маргарита

При попытках определить массу как некоторую общность сразу возникает вопрос о том, что остается вовне. В первом приближении метафора «массы», как и «большинство», и, шире, – население и даже «народ» – предполагает критерии антиэлитарности и количественной всеохватности. Подобное представление имплицирует ощущение всеобщности и силы.

Дифференциация элиты и массы – это a priori разговор об управляющих и управляемых, поскольку основной водораздел между массой и элитой традиционно проводится по линии непосредственной вовлеченности в политическую деятельность[1] [Zuckerman, 1977].

Уже античные греки массу не идеализировали, четко отделяя охлос от элиты: прямое вмешательство во власть со стороны охлоса рассматривалось как тупиковое, наряду с прочими «неправильны-

[1] В ряде случаев используется расширительное понимание элиты как «идеально-типической» категории, т.е. исследовательского конструкта [Гудков, Дубин, Левада, 2007, с. 4]. Тем не менее в выстраиваемом нами ракурсе мы опираемся на иное представление об элите, и это является естественным следствием того, что мы исходим из существования одновременно многих масс и неавтократической структуры власти.

ми формами правления». В наши дни сторонники элитарной демократии по Шумпетеру также отделяют массу от групп, допущенных к принятию решений, и сводят ее роль к возможности в ответ на предложенные элитой новации время от времени вместо символического «любо» прокричать столь же символическое «не любо», если «объем» хлеба и зрелищ не вполне соответствует ожиданиям.

Политическая наука в значительной степени фокусируется на властных элитах: основная часть населения рассматривается как объект управления, малоспособный к самостоятельному формированию дискурса [Грамши, 1991] и наполненный предрассудками, которые политики вынуждены включать в свою риторику, чтобы быть избранными [Каплан, 2012]. Разговоры об институтах, формах правления и режимах фокусируются на механизмах взаимодействия между элитами и массами либо на элитах как таковых и их идеологиях.

Эвристика анализа предписывает изучать то, что наиболее ярко проявляемо и может быть объяснено. В этом плане концепция наличия нескольких масс обычно попадает в фокус внимания только в ситуации кризиса элит, когда возникают «нестабильные социальные состояния» и failed states. Мы приходим к необходимости обращения к этой концепции для описания недавних примеров таких состояний от «оранжевых революций» до «арабской весны» и украинских майданов[1].

Между тем шкала форм проявления масс, помимо крайних вариантов – бунт и воодушевленная поддержка, – может включать в себя широкий набор промежуточных состояний. Доля лиц, попадающих в разные группы, определяется распределением материальных и символических ценностей между массами и элитой и уровнем пропагандистского давления, микширующего степень различия [Баскакова, 2009].

[1] Актуальность проблемы для России диагностировали Ю. Левада, Л. Гудков и Б. Дубин, отмечавшие, что в советском обществе была сформирована «эрзац-элита», а после крушения советского государства новая, настоящая элита не сформировалась [Гудков, Дубин, Левада, 2007].

Рис. 3 А. Масса как объект управления – стратегии поведения

Рис. 3 Б. Масса как объект управления – стратегии поведения

Неоднородность установок населения измеряется в рамках исследований электорального поведения. Различные метрики, отражающие установки, оперируют осями экономической и политической свободы, понятием идентичности, ценностями и идеологиями. Такие метрики позволяют дробить массу на ее элементы (сгустки), а также складывать из масс большинства и меньшинства. Но при этом, с одной стороны, нельзя упускать из виду объективные ограничения опросных данных: в отсутствие артикулированного аргументированного мнения оценка, получаемая в рамках опроса, может быть исключительно ситуативной, внеконтекстной. С другой стороны, имеет место текучесть массы, ее интересов и установок, требующая введения метрики для оценки коллективной идентичности и близости установок элит и масс.

Как довольно простой модельный вариант такого членения массы на сгустки рассмотрим представление массы в пространстве, определяемом двумя осями: одобрение (политики) власти и наличие публичных проявлений (рис. 3 А.). В ситуации проявлений публичного пространства мы получаем набор практик, классических для «демократии участия». В ситуации его отсутствия политика перемещается в «виртуальное пространство». Эффективность взаимодействия массы и властной элиты определяется расстоянием между ними в пространстве базовых интересов (как его называет В.С. Магун, или электоральном пространстве, как его называет А.С. Ахременко [Ахременко, 2007]). Это расстояние можно оценить по наличию способов влияния населения на элиты и будущее страны и формирование повестки дня. По внешним признакам можно выделить различные процессы, связанные с вовлечением массы в реализацию власти (рис. 3 Б).

Значение имеет пространство формирования массы: под реальным пространством мы понимаем физическое пространство, в котором происходят действия, где осуществляются коммуникация, соблюдение норм, под виртуальным – пространство воображаемое, в котором действия индивида осуществляются лишь модельно-мысленно и ничем не закреплены.

Иначе выражаясь, в реальном пространстве физически существуют социальные группы, в виртуальном – общности, при случае статистически (социологически) регистрируемые. Основное разграничение реального и виртуального пространств можно провести по оси баланса индивидуальных деклараций и практик.

Второй критерий – наличие или отсутствие формирования массы сверху (структурами власти). Такое формирование массы проводится с двумя основными целями: легитимация и управление.

В реальном пространстве формирование массы сверху представляет собой управление и подразумевает вовлечение большинства в определенные формы поведения. История показывает, что только власть и ограниченный набор социальных групп не могут быть единственными субъектами развития, – для реализации сценария обновления требуется возникновение в обществе критической массы носителей соответствующих практик. Альтернативной формой того же процесса «снизу» является солидаризация – формирование массовых практик.

В виртуальном пространстве формирование массы «сверху» представляет собой легитимацию проводимой политики: правящие круги получают формальное, удобное для демонстрации, подтверждение, что совершаемые ими действия основаны на всенародной поддержке. В этом ключе говорят про «путинское» и «крымское» большинство. Альтернативой «снизу» здесь выступает конформное разобщенное большинство. В каждом случае фактор количества проявляет себя очень по-разному.

Количественный параметр массы имеет значение не только в форме абсолютной численности – важна также и удельная численность (концентрация). Количественный критерий, отличающий массу, например, от электорального большинства, задается ее диахронностью (в терминологии Соссюра). Электоральное большинство или меньшинство проявляется как масса исключительно в день выборов, тогда как между выборами оно размывается на массы, достаточно отличные друг от друга.

Существование малой массы сопровождается сложностями позиционирования. При движении идеологии от центра она усиливает свою маргинальность, а при движении к центру теряет свою уникальность и идентичность. Малые массы имеют тенденцию к распаду по целому ряду причин, включающих низкую перспективность, стремление элит сменить симбиотическую массу на более престижную.

Неустойчивость может возникнуть в ситуации, когда доминирующая элита провоцирует с помощью доступных ей средств (например, СМИ) трендовое смещение центра в пространстве ценностей. При этом роль маргинальных партий может нарастать, и не

всегда этот процесс легко повернуть назад. Такие процессы обычно характерны для движения от демократии к автократии.

Имеет смысл также предложить как параметр меру неоднородности массы, основными критериями которой будут выступать степень осознания и сходства личных интересов участников и степень подверженности влиянию пропаганды. В общем случае (и это иллюстрируется рис. 4) массу нельзя рассматривать как вполне однородную. В ней существуют стойкие приверженцы (наподобие футбольных фанатов) и случайные зеваки (которые могут «причалить полюбопытствовать» и уйти).

Проблемы массовой динамики и роль критической массы

Метафора системы масс выглядит наиболее перспективной в ракурсе проблемы объяснения и прогнозирования критических переходов социальных состояний, которые могут осуществляться в результате воздействия как «сверху» (реформы, модернизация, мобилизация / «сплочение»), так и «снизу» (бунт, революция).

Эта метафора вводит важное свойство населения – степень инерционности, под которой понимается постоянство ее черт в отсутствие внешнего воздействия и склонность к конкретному направлению и динамике изменений. Инерция замедляет управляющее воздействие элиты, направленное на изменение курса: чем больше градус отклонения решения от прежней траектории, тем большие усилия необходимы. Сила инерции зависит от многих факторов, но, как правило, прямо пропорциональна численности массы.

Тематика массовой мобилизации подробно рассмотрена Ч. Тилли [Tilly, 2003], а также Д. Фораном [Foran, 2005], которые полагают необходимым дополнять идеологию культурными традициями и личным опытом.

Очевидно, что, помимо инерционности, целесообразно говорить и о направленности массы, и о возможной ситуации столкновения масс (вплоть до военного в случае гражданской войны). Масса может быть не одна, и она, как правило, не одна – такое утверждение вполне отвечает соображениям Роккана о необходимости учета наличия в обществах групп со значимо разными интересами. В связи с этим можно говорить о количественном сопоставлении

разнонаправленных масс, складывая из них «большинства» и «меньшинства». А. Грамши, анализируя борьбу за воссоединение Италии, писал, что взаимодействие партий должно приводить к созданию гегемона [Грамши, 1991]. Наверное, нечто подобное может происходить и с массами, если речь идет о необходимости мобилизации для решения сверхзадач. Вместе с тем Грамши с его вполне коммунистическими установками не осознавал до конца опасность существования подобного гегемона длительное время в силу его антидемократической направленности.

В целом наша метафора системы масс, имеющих разную концентрацию (рис. 1), индуцирует идею взаимодействия этих масс с перетоками между ними по принципу баланса комфортности и опасности пребывания в каждой. При этом оценки комфортности и опасности могут строиться как сочетание информации, получаемой из слухов и генерируемых пропагандой в СМИ. Полноценное моделирование прорисованного процесса и его модификаций методами системной динамики или методом мультиагентных систем ограничивается, в первую очередь, отсутствием достаточного эмпирического материала для идентификации параметров.

Еще одно динамическое свойство массы связано с понятием «критическая масса», согласно метафоре, также имеющей корни в физике, где оно означает минимальное количество вещества, необходимое для начала самоподдерживающейся цепной реакции. Системы с большим количеством взаимодействующих элементов естественным образом эволюционируют к критическому состоянию, в котором малое событие может привести к катастрофе. Наглядную иллюстрацию действия этого механизма можно привести на примере известного парадокса кучи песка и задачи обвала кучи, описываемой в рамках теории «самоорганизованной критичности»: при насыпании кучи песка начиная с определенного момента каждая песчинка может привести к лавине любого размера.

Тема критической массы достаточно часто возникает в быту и литературе («от мысли до мысли пять тысяч верст»), а само понятие используется в социальных науках для описания риска неконтролируемого развития ситуации: критическая масса интеллектуалов, критическая масса иммигрантов, критическая масса носителей определенной культуры. В какой-то степени понятие «критическая масса» было популяризовано одноименной книжкой Ф. Болла [Болл, 2008].

Критическую массу можно рассматривать как условие смены состояний социальной среды / общества. Естественно при этом выделять подкритическую массу и надкритическую массу.

Постановка вопроса о критической массе в целом и общем может иметь несколько разных разворотов:

- изучение современного общества с точки зрения «веса» в нем различных факторов и потенциально возможных критических масс (желательных и нежелательных) в статической и динамической постановке;
- структурирование общества на «массы» относительно политических ценностей, процессов и предпочтений, выделение в нем большинств и меньшинств, прогнозирование на этой основе сценариев развития;
- оценка перспектив формирования требуемой социальной среды.

Можно условно выделить два вида общественных процессов: регулярный (в том числе, триггерный) и иррегулярный. В первом случае в категориях управления традиционно говорят о модернизации- реставрации, а в категориях естественных процессов – об эволюции и регрессе, во втором – о революции–контрреволюции.

Масса очевидным образом выходит на первый план в рамках иррегулярного процесса, как одна из его форм (революция), но не единственная (перевороты и пр.). Масса обычно уже существует или оформляется путем присоединения к некоторому идеологическому или организационному ядру (массовая политика – участие, действие), крайне редко происходит обратное – ядро формируется из стихийно возникших массовых акций (политика масс).

В рамках регулярного процесса роль массы определяется типом режима и в крайних формах может определяться в терминах патриархальной и контрактной модели.

Первая характеризуется бинарным восприятием власти, переключательным характером поддержки, слабо работающими политическими институтами (работающими кликами). Вторая – четко работающими институтами, высоким уровнем включенности (участие, не сводимое только к электоральным и протестным формам).

По сути, речь идет о взаимодействии массы с ее ядром и институтами, гарантирующими эффективность такого взаимодействия. Само организационное ядро, естественное при начальном формировании массы, обычно со временем перерождается в идеологическую

элиту. Более того, можно считать, что масса, как правило, может иметь несколько ядер-элит (например, одно более консервативное, а второе – более конъюнктурное). С другой стороны, массы меньшего размера могут являться частью более крупных масс.

Масса может быть подразделена на группы из отдельных маркируемых своими интересами частных масс. В частности, Б.А. Грушин разделяет массы по ряду критериев: размер массы, сгруппированность, контактность, спонтанность возникновения, социальная однородность [Грушин, 1987].

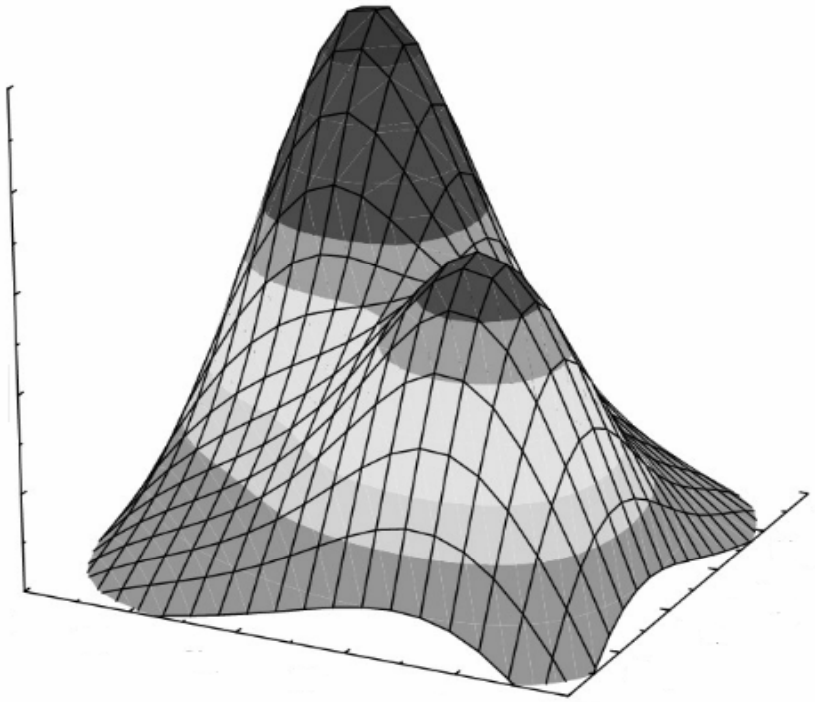

Рис. 4.
Графический пример двухъядерной (двухэлитной) массы

Однако при последовательном рассмотрении и морфологическом описании понятий масс этого явно недостаточно. Важно ввести измеряемые характеристики этих масс – гипотетически для их дифференциации можно предложить, например, следующие:

- Доля массы (относительно всех масс);

• Поляризованность массы по степени расхождения ценностных установок;

• Иррациональность массы (уровень рациональной рефлексии признанных ценностей);

• Организованность массы (в частности, мобилизуемость);

• Активность массы (способность к действию и участию);

• Способность включать в себя другие массы.

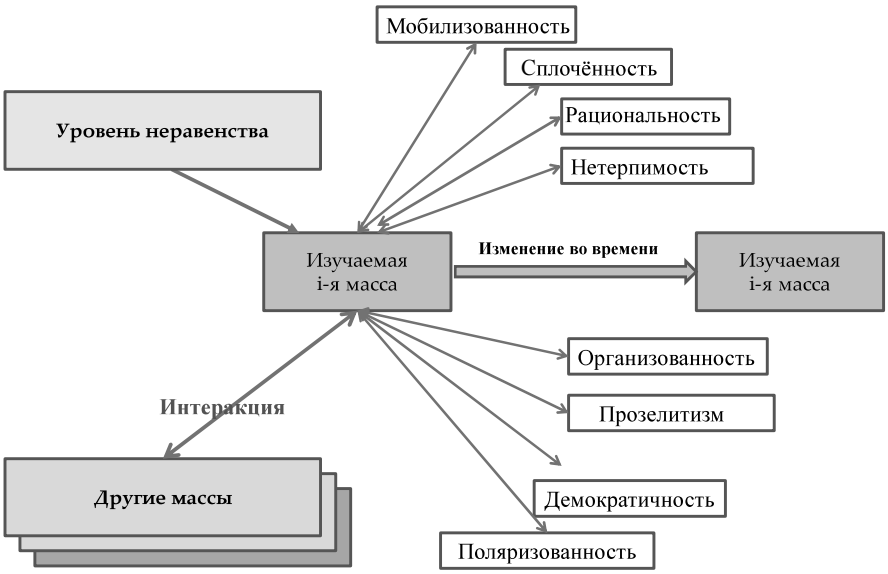

Рис. 5. Факторы динамики массы

Подобный набор характеристик (пока еще лишенный информации о расположении этих групп в пространстве маркирующих их политические интересы ценностей) уже позволяет прогнозировать возможности конкретной массы к изменению ее доли и характер ее агрессивности и сотрудничества с иными массами. Если эти параметры определены, то можно прогнозировать развитие картины взаимодействия разных масс, маркировать ценности, идеологии.

1. Рассмотрение многообразных социальных процессов позволяет шире использовать метафору масс как базовых социальных общностей, для которых характерны общие состояния. Введение этого понятия позволяет структурно проблематизировать возникновение явлений социальных и политических движений, коллективной и навязанной идентичности. Принятое понимание массы как толпы исчерпывается определением «программируемой массы», что оставляет возможности для включения в рассмотрение «самоорганизованной массы», определяемой как общность людей, действующих на основе своих субъективно отрефлексированных интересов по рациональным и принятым консенсусом правилам.

2. В условиях неавторитарных обществ объективно наблюдается не сдерживаемое искусственно социальное и политическое разнообразие, при котором целесообразно рассмотрение более одной массы, что созвучно с идеей размежевания по интересам Липсета и Роккана. Принадлежность к массе, выделенной по одному признаку, не исключает одновременной принадлежности к массам, выделенным по другим признакам.

3. Принципиальным для изучения масс является учет их взаимодействия с элитами и другими массами, определяемого объемом и составом коммуникационных каналов.

4. Разнообразие типов масс и их характеристик позволяет провести типологизацию строения масс по трем параметрам (системе интересов, шкале сочувствия–участия, шкале мягкости–жесткости). Наряду с параметрами структуры массы могут быть разграничены и по динамике их поведения, отражающей, с одной стороны, инерционность их изменения, а с другой – кинетику взаимодействия с другими массами.

Список литературы

Ахременко А.С. Структуры электорального пространства. – М.: Социально-политическая мысль, 2007. – 320 с.

Баскакова Ю.М. Над метафорами и индикаторами: об одном из направлений применения системного подхода в политологии // Моделирование в социально-политической сфере. – М., 2009. – № 1. – С. 32–41.

Болл Ф. Критическая масса: Как одни явления порождают другие. – М.: Гелеос, 2008. – 525 с.

Грамши А. Тюремные тетради в трех частях. – М.: Политиздат, 1991. – 564 с.

Грушин Б.А. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.

Грушин Б.А. Масса как субъект исторического и социального действия // Рабочий класс и современный мир. – М., 1984. – № 5. – С. 28–45.

Грушин Б.А. Мнение о мире и мир мнений. – М.: Праксис, 2011. – 544 с.

Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в сегодняшней России. Размышление над результатами социологического исследования. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. – 372 с.

Деррида Ж. Глобализация, мир, космополитизм // Космополис. – М., 2004. – № 2. – С. 125–140.

Дубин Б.В. Союз телезрителей // Ведомости. – М., 2006. – 29 мая.

Каплан Б. Миф о рациональном избирателе. – М.: ИРИСЭН, 2012. – 368 с.

Коробков А.А. Массовизация политического участия в процессах реформирования общества в современной России: Автореферат дис. … канд. полит. наук. – Орёл, 2001.

Ларсен Ст.У. Моделирование Европы в логике Роккана // Полис. – М., 1995. – № 1. – С. 39–57.

Лебон Г. Психология народов и масс. – М.: Академический проект, 2011. – 238 с.

Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. – 5 изд. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – Т. 36, март – июль 1918. – 742 с.

Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011. – М.; СПб.: Ин-т социологии РАН, 2011. – С. 244–280.

Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. – М., 2013. – 421 с.

Мункуева Т.А. Проблемное измерение «центр – периферия»: гипотеза периферий Ст. Роккана / Конференция «Ломоносов, 2011». – Режим доступа: http://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1418/10555_6a4e.pdf (Дата посещения: 14.09.2014.)

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. – 506 с.

Патрушев С.В., Хлопин А.Д. Социокультурный раскол и проблемы политической трансформации России // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. – Вып. 6. – М.: Ин-т социологии РАН, 2007. – Режим доступа: http://www.civisbook.ru/publ.html?id=336 (Дата посещения: 14.09.2014.)

Роккан С. Центр-периферийная полярность: перевод // Политическая наука. – М., 2006. – № 4. – С. 73–101.

Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. – М.: Ин-т психологии РАН: «КСП+», 1998. – С. 257–408.

Тард Г. Социальная логика. – СПб.: Социально-психологический центр, 1996. – 548 с.

Тард Г. Законы подражания. Академический проект, 2011. – 304 с.

Третьяков В. Уезжаю на Лихачёвские чтения. Массовая культура, ТВ и высокая культура (мой доклад). – 2013. – 15 мая. – Режим доступа: http://v-tretyakov.livejournal.com/855202.html (Дата посещения: 14.09.2014.)

Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологической установки. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.

Уледов А.К. Структура общественного сознания: теоретико-социологическое исследование. – М.: Мысль, 1968. – 328 с.

Федоров В.В. Русский выбор: введение в теорию электорального поведения россиян. – М.: Праксис, 2010. – 384 с.

Фуко М. Порядок дискурса / Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – С. 47–96.

Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. – Дубна: Феникс+, 2009. – 208 с.

Blackwell Handbook of social psychology: Group processes / M.A. Hogg, R.S. Tindale (eds.). – Malden, Mass.; Oxford: Blackwell, 2001. – 685 p.

Foran J. Taking power: On the origins of Third world revolutions. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2005. – xiii, 395 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago: Univ. of Chicago press, 1980. – xiii, 242 p.

Newton K., Deth J.W. van. Foundations of comparative politics. Democracies of the modern world. – 2 nd ed. – Cambridge: Cambridge univ. Press, 2010. – 439 p.

Patrushev S.V., Pavlova T.V., Filippova L.E. Cliquecracy as the form of quasi-democratic regime consolidation // European sociological association 11 th Conference «Crisis, Critique and Change», Torino, Italy, 28–31 August 2013. – Личный архив автора.

Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives / S.M. Lipset / S. Rokkan (eds.). – N.Y.; L.: Free press, 1967. – xvi, 554 p.

Smelser N.J. Theory of collective behavior. – N.Y.: Free press, 1965. – xi, 436 p.

Tilly C. The politics of collective violence. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 2003. – xii, 276 p.

Zuckerman A. The concept «political elite»: Lessons from Mosca and Pareto // The journal of politics. – West Nyack, NY, 1977. – Vol. 39, N 2. – P. 324–344.